

Почему одним странам в регионе с переходной экономикой удалось построить устойчивую демократию, а в других политические реформы замедлились или даже сменились отходом от демократии? Судя по имеющимся данным, у стран с более высоким уровнем дохода на душу населения выше вероятность сформировать плюралистические политические системы и меньше риск столкнуться с обращением вспять этого процесса. Большие запасы природных ресурсов, напротив, тормозят – или, по крайней мере, замедляют – демократизацию. Более раннее и более активное проведение рыночных реформ, возможно, также способствует закреплению достижений демократии.

ОСНОВНЫЕ ФАКТЫ

СВЫШЕ

70%

Доля стран мира, в которых в 2012 году существовали демократические институты, по сравнению с 30 – 40% в период с 1960 по 1990 год.

94%

стран со средним уровнем дохода на душу населения выше 10 тыс. долл. США провели в 1999 году свободные и состязательные выборы.

УРОВЕНЬ ДОХОДОВ В

1992

коррелировал с уровнями демократии в общемировой выборке в 2012 году.

К

2000

все государства, ранее входившие в состав бывшей Югославии, стали полноценными демократиями.

ГЛАВА 2

Рынки и демократия в регионе с переходной экономикой

Рынки и демократия в регионе с переходной экономикой

Почему одним странам в регионе с переходной экономикой удалось построить устойчивую демократию, а в других политические реформы замедлились или даже сменились отходом от демократии? Судя по имеющимся данным, у стран с более высоким уровнем дохода на душу населения выше вероятность сформировать плюралистические политические системы и меньше риск столкнуться с обращением вспять этого процесса. Большие запасы природных ресурсов, напротив, тормозят – или, по крайней мере, замедляют – демократизацию. Более раннее и более активное проведение рыночных реформ, возможно, также способствует закреплению достижений демократии.

Падение Берлинской стены в 1989 году многие сочли определяющим моментом эволюции политических систем, венцом «третьей волны» демократизации, получившим с легкой руки Фрэнсиса Фукуямы знаменитую характеристику «конец истории»¹. Фукуяма утверждал, что либеральная демократия победила все прочие системы политической организации и стала неизбежной конечной точкой развития любого общества.

Многие страны в регионе с переходной экономикой за прошедшее время стали сформировавшимися демократиями, а другие добились, по меньшей мере, существенного прогресса в построении прочных демократических институтов, что подтверждает утверждение Фукуямы. Однако в некоторых странах опыт перехода к рынку оказался не настолько однозначным: реформы замедлились или даже были свернуты.

Почему одним странам удается построить устойчивую демократию, а другим нет? Какова роль экономического развития в этом процессе? Ведет ли переход к рыночной экономике к улучшению средне- и долгосрочных перспектив перехода к демократии и консолидации ее достижений?

Ответы на эти вопросы имеют самое непосредственное отношение к странам, которые пока не раскрыли полностью свой демократический потенциал, а также к недавно двинувшимся по пути демократизации государствам Южного и Восточного Средиземноморья (ЮВС).

Научная литература полна теорий и объяснений того, что заставляет демократию работать. Повсеместное распространение демократии и глобального богатства достаточно очевидно, однако ученые, занимающиеся общественными науками, не перестают спорить о механизмах причинно-следственной связи, а исключения из общей тенденции к росту и демократии слишком заметны, чтобы их можно было игнорировать.

Существование значительного среднего класса – якобы являющегося оплотом демократии в силу своих собственных интересов, стимулов и ценностей, – как представляется, действительно связано с наличием демократических институтов. Почему же тогда некоторые страны с переходной экономикой «застряли» на этапе, характеризующемся несовершенной рыночной экономикой, достаточно крупным средним классом и недемократической (или лишь отчасти демократической) политической системой?

демократические реформы. Далее в главе рассматриваются конкретные примеры в регионе с переходной экономикой, которые могут пролить больше света на связь между экономическим развитием, потребностью в демократии и результатами демократизации².

Ален Руссо
(Управляющий директор, управление внешней деятельности и политических вопросов)

1. Термин «третья волна» был впервые употреблен в работе Huntington (1993). Идея конца истории была впервые высказана в работе Fukuyama (1989), а позднее получила дальнейшее развитие в работе Fukuyama (1992).

2. Предыдущее обсуждение этих вопросов см. в ЕБРР (1999) и ЕБРР (2003).

ГЛАВА 2

Рынки и демократия в регионе с переходной экономикой

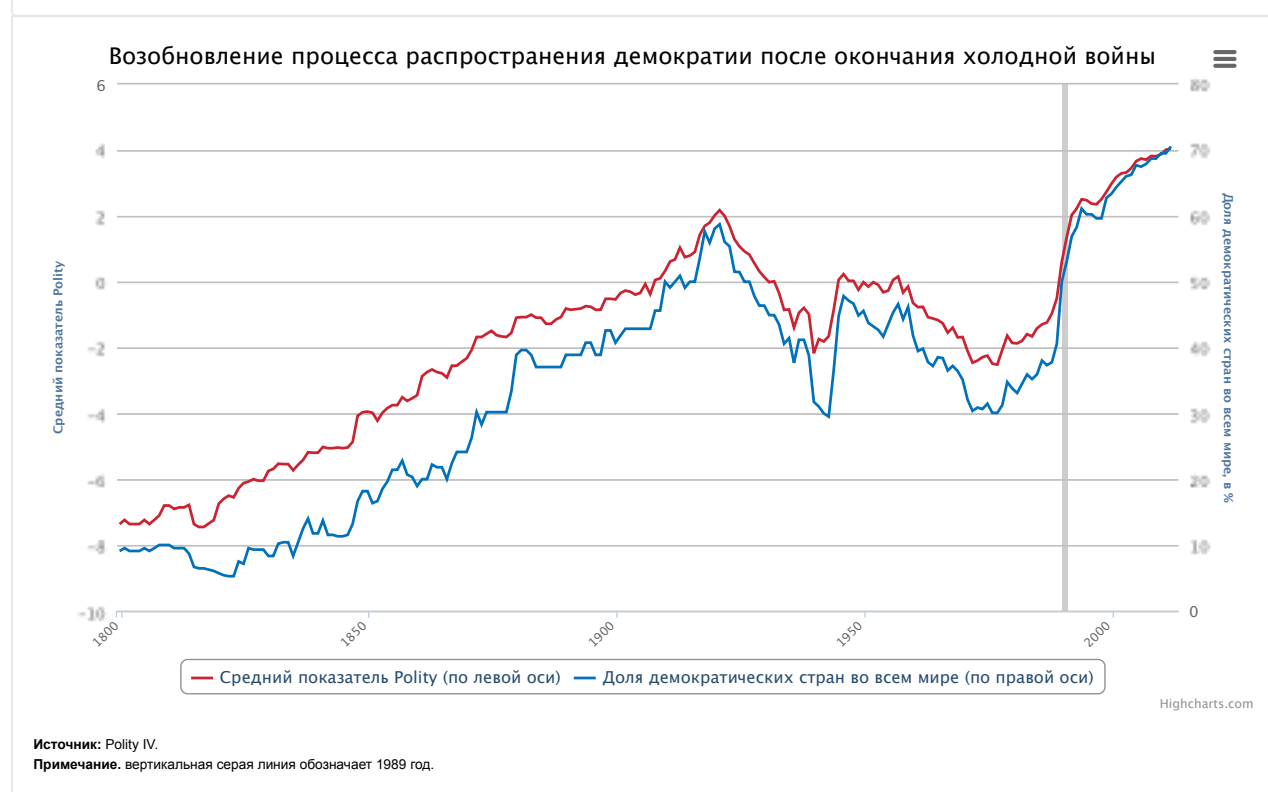
Разъяснение понятия демократии

Демократия, возможно, не является неизбежной, однако со временем она становится все более распространенной. За последние 200 лет представительная демократия охватила практически весь мир. В первой половине XIX века ее распространение ограничивалось несколькими кантонами в Швейцарии и несколькими штатами на северо-востоке Соединенных Штатов Америки. Европейские революции 1848 года породили затяжную волну демократизации, которая достигла своего пика в 1921 году, когда почти три пятых всех суверенных стран стали демократиями. Вторая, более короткая, волна произошла сразу же по окончании Второй мировой войны.

В период с 1960 по 1990 год доля стран мира, в которых существовали демократические институты, колебалась в пределах 30–40%. После распада Советского Союза эта цифра выросла к началу XXI века до более чем 60%, а к 2012 году превысила 70%.

Это глобальное расширение отражено на диаграмме 2.1, показывающей долю стран, отнесенных к категории демократических в базе данных Polity IV, за период 1800–2012 годов и средний показатель Polity по миру в целом за каждый год.

+ Диаграмма 2.1

Экономическое развитие и демократия: теория

Распространение демократии по всему миру совпало – хотя и не вполне – с промышленной революцией и ростом мировой экономики. Первым крупным исследованием, продемонстрировавшим взаимосвязь между экономическим развитием и демократией, стала работа Липсета (Lipset (1959)), который обнаружил, что целый ряд факторов развития – включая богатство, индустриализацию, урбанизацию и образование – находятся в статистически значимой связи с формированием демократических политических систем.

Липсет высказал предположение, что изменение социального положения работников (которые получили возможность заниматься политической деятельностью) в сочетании с формированием богатого и политически активного среднего класса и возникновением социального капитала и институтов-посредников создали условия, благоприятствующие возникновению прочной демократии, и сформировали потребность в ней.

Его идеи легли в основу возникновения раздела литературы, получившего название «теория модернизации», который по-прежнему привлекает внимание ученых, устраивающих все более сложные эмпирические проверки этой теории. После Липсета появилось множество исследований, в которых утверждается, что развитие – оцениваемое главным образом по уровню дохода на душу населения, – повышает вероятность перехода к демократии и усиливает стабильность демократических режимов ¹.

Однако критики теории модернизации оспаривают главное утверждение Липсета о том, что развитие ведет к демократии. Например, некоторые считают, что развитие не влияет на вероятность превращения страны в демократическое государство, хотя по мере повышения уровня экономического развития риск обращения вспять достижений демократии действительно снижается ². Другие же утверждают, что в случае учета надлежащих статистических переменных показатель дохода на душу населения никак не влияет на вероятность того, что страна станет или останется демократией, и что как демократия, так и развитие являются результатом «исключительного стечения обстоятельств в истории человечества», которое произошло более 500 лет назад ³.

На фоне продолжающихся споров ученых начинает формироваться единое мнение, согласно которому развитие действительно оказывает причинно-следственное влияние на демократию, однако характер этого влияния зависит от конкретных внутренних и внешних факторов.

Как показывают ряды данных за длительный период с начала XIX века (когда практически ни одну страну нельзя было назвать демократической; см. диаграмму 2.1) и до наших дней, уровень дохода оказывает существенное положительное влияние на вероятность перехода общества к демократии и консолидации ее достижений. Однако по мере роста доходов это влияние уменьшается и совершенно исчезает в богатых странах, которые уже прошли весь путь демократизации. Кроме того, экономическое развитие обычно не приводит к демократизации в странах, богатых природными ресурсами, а демократические институты, навязанные колониальными державами или международными организациями, как правило, существуют недолго.

Важно иметь в виду, что воздействие экономического развития на демократию может сказаться лишь спустя 10–20 лет. В краткосрочной перспективе ускорение экономического роста повышает вероятность политического выживания недемократического лидера, а более высокий уровень доходов обычно становится стимулом к переходу к более демократической политике лишь после того, как этот лидер покидает свой пост ⁴.

Литературу, посвященную механизмам перехода к демократии

ГЛАВА 2

Рынки и демократия в регионе с переходной экономикой

и консолидации ее достижений, можно условно отнести к двум научным школам на основе предположений их авторов относительно причин, по которым люди поддерживают демократические режимы⁵. Представители первой школы считают, что демократия зависит от наличия у граждан соответствующей страны либеральных или демократических убеждений и ценностей. Представители же второй школы утверждают, что ключевые участники политической жизни поддерживают демократию, когда им это представляется удобным или обоснованным.

-
1. См. Przeworski and Limongi (1997). Некоторые утверждают, что это справедливо в основном в отношении более богатых демократических стран: см. Dahl (1971), Huntington (1991), Barro (1999), Boix and Stokes (2003), Epstein et al. (2006) и Heid et al. (2012). Frye (2003) и Jackson et al. (2013) показали, как установление прав на частную собственность и создание новых частных предприятий в России и Польше стало причиной роста числа сторонников партий, выступающих за проведение реформ, и выборов.
 2. См. Przeworski et al. (2000).
 3. См. Acemoglu et al. (2009) и Moore (1966).
 4. Этот материал основан на работах Barro (1999), Boix (2011) и Treisman (2012). См. также Glaeser et al. (2004), Epstein et al. (2006) и Miller (2012).
 5. Критический анализ см. в Geddes (2007).

Базовые демократические убеждения

В основе любой демократической системы лежат регулярные, свободные и справедливые выборы. Справедливые демократические выборы по самому определению чреваты некоторой неопределенностью: до их проведения конечный результат неизвестен. После их проведения нет никаких гарантий того, что победители не воспользуются своей победой, чтобы лишить своих оппонентов ресурсов и, возможно, даже отказаться от проведения голосования в будущем, – или что проигравшие не откажутся признать результаты и не восстанут против победителей.

Демократия и упорядоченное проведение выборов возможны лишь в том случае, если и победители, и проигравшие готовы признать результаты периодических выборов, лежащих в основе этой формы правления, согласиться с возможностью проигрыша и подчиниться воле большинства, а также – в случае победителей – не поддаваться искушению навсегда лишить проигравших возможности получить власть.

Целый ряд авторов признают, что демократические результаты возможны лишь в том случае, если избиратели рассматривают демократические институты, включая свободные выборы, как наиболее легитимный способ правления. Если достаточное большинство населения считает демократию самым правильным политическим режимом, то победители не будут злоупотреблять своим политическим преимуществом, а проигравшие не будут оспаривать результаты выборов. При наличии надлежащих демократических убеждений все навсегда останутся сторонниками демократии ¹.

Хотя убеждения могут влиять на активность поддержки демократии со стороны отдельных лиц, доказать верность теоретической концепции, что демократия – это производная от демократических убеждений, проблематично. С концептуальной точки зрения убеждения вряд ли могут служить очень надежной основой для обеспечения соблюдения требования о проведении свободных выборов и следования другой демократической практике. Убеждение, что демократия является наилучшей формой правления, отнюдь не обязательно сможет удержать от неправильных действий человека, которому нарушение принципа верховенства закона или недемократическое поведение сулит значительный экономический выигрыш или повышение статуса.

Если искушение обойти демократические принципы или выступить против демократии окажется слишком велико, то даже те лица, которые твердо убеждены в пользе демократии, возможно, не пожелают отстаивать свои принципы, если это будет чревато для них проигрышем на выборах. Как показывает эмпирический опыт, демократические убеждения (агрегированные на национальном уровне), по-видимому, не оказывают особенно сильного воздействия на переход к демократии или консолидацию ее достижений.

1. См. Welzel and Inglehart (2006). Первое поколение исследований, посвященных вопросам модернизации и изменения убеждений, см. в Lipset (1959) и Almond and Verba (1965).

Роль неравенства

Еще один подход к пониманию причин демократизации предусматривает анализ стимулов, которые могут побудить ключевых участников политического процесса подчиниться результатам выборов. Поскольку победившее большинство располагает возможностью изменить политические и экономические правила игры, избиратели (и партии) согласны на демократию, если проигрыш на выборах не угрожает их уровню жизни или политическому выживанию. В свою очередь, победители на выборах будут поддерживать демократические институты, если политическая ценность постов, которые они занимают, и решения, которые они уполномочены принимать, контролируются другими органами управления ¹.

Таким образом, вероятность демократического устройства оказывается выше, когда все избиратели и их представители живут в относительно равных экономических условиях. Когда неравенство избирателей по доходам не слишком велико, выборы не угрожают собственникам или лицам с высокими доходами. И напротив, если большинство богатств контролируется незначительным меньшинством, то менее обеспеченное большинство будет стремиться перераспределить богатство при помощи выборов и системы налогообложения. В этих условиях богатые, вероятно, предпочтут авторитарный политический режим, действующий в их интересах, а не в интересах большинства, и будут блокировать любое введение высоких налогов, граничащих с конфискацией ².

Иногда индустриализация и развитие приводят к краткосрочному росту неравенства ³. Однако в более долгосрочной перспективе развитие, как правило, сопряжено с уменьшением неравенства в результате распространения образования, формирования квалифицированной рабочей силы и обусловленного этим повышения уровня заработной платы и улучшения условий жизни у всего населения ⁴. Это объясняет, почему в 1999 году 94% стран, у которых средний доход на душу населения превышал 10 тыс. долл. США (в долларах США в постоянных ценах 1996 года), провели свободные и состязательные выборы, в то время как среди стран со средним уровнем дохода на душу населения менее 2 тыс. долл. США таковых оказалось лишь 18% ⁵.

1. Идея демократии как политического равновесия – то есть как результата, являющегося возможным лишь в том случае, если все участники политической жизни предпочитают его (и соответствующую возможность проигрыша на выборах) любому другому политическому режиму, – была впервые неофициально выдвинута в работе Dahl (1971), а затем получила аналитическую проработку в работах Przeworski (1991) и Weingast (1997).
2. Влиянию экономического неравенства на демократию посвящено множество научных работ, начиная еще с Аристотеля и Макиавелли в его «Рассуждениях». Более современный анализ см. в работах Boix (2003) и Acemoglu and Robinson (2006).
3. См. Kuznets (1955).
4. См. Atkinson et al. (2009), Davies and Shorrocks (2000) и Morrisson (2000).
5. Эта эмпирическая взаимосвязь между доходом и демократией еще нагляднее проявлялась в более ранние исторические периоды. Анализ одного лишь показателя уровня дохода на душу населения позволяет правильно определить политический режим в суверенных странах за отдельные годы после Второй мировой войны в 76% случаев. В период между Первой и Второй мировыми войнами доля случаев, когда такая зависимость оказывается верной, повышается до 85%, а в период перед Первой мировой войной – до 91%. Эти результаты взяты из работы Boix (2011).

Природные ресурсы и «государства-рантье»

У богатого меньшинства, столкнувшегося с опасностью введения демократическим большинством высоких налогов, есть два способа защитить себя: оно может инвестировать средства в проведение репрессий и установление авторитарного режима или же оно может вывести свои активы в другую страну. Если капитал мобилен, то собственники могут шантажировать реальной угрозой покинуть страну в случае, если налоги в условиях демократии станут слишком высокими. Однако если богатство не мобильно (как, например, в случае земли и других природных ресурсов) и/или если контроль над ним сильно зависит от государственного регулирования, то угроза установления демократии становится потенциально гораздо более реальной, и собственники активов с большей вероятностью будут поддерживать авторитарный режим.

В то же время, в странах, бюджеты которых в значительной степени наполняются за счет природной ренты, режимы не очень сильно зависят от системы налогообложения населения в целом и располагают более значительными возможностями для выделения дополнительных выплат и субсидий (например, для финансовой поддержки менее обеспеченных регионов или неблагополучных групп населения) за счет доходов от природных ресурсов. Поэтому налогоплательщики не предъявляют к ним столь жесткого требования подотчетности в рамках демократических институтов ¹.

1. См. Mahdavy (1970) и Beblawi and Luciani (1987). С этим же связано и утверждение, что в странах, богатых природными ресурсами, как правило, устанавливаются более плохие политические и экономические институты – в том смысле, что подотчетность исполнительной власти не обеспечивается, а имущественные права недостаточно четко соблюдаются, – поскольку улучшение этих институтов ограничило бы способность властных элит присваивать поступление от продажи ресурсов. См. Tornell and Lane (1999), Sonin (2003) и ЕБРР (2009). Поскольку демократия ведет к повышению степени подотчетности перед обществом, это оказывается еще одной причиной, по которой богатые запасы природных ископаемых могут тормозить переход к демократии.

Выводы из литературы

На основании этого краткого анализа научной литературы по данному вопросу можно сделать следующие выводы.

- Хотя исследователи до сих пор не могут прийти к единому мнению, активной поддержкой пользуется предположение о том, что повышение уровня экономического развития, вероятно, ведет к повышению уровня демократизации до момента, когда последствия демократизации начинают сходиться на нет.
- Как только страна преодолевает определенный пороговый уровень в развитии демократии – особенно когда это происходит в ходе традиционной модернизации – откат назад к авторитаризму становится маловероятным.
- Определенную роль в консолидации достижений демократии и обеспечении ее необратимости играет распространение демократических убеждений и потребности в демократии, однако убедительных эмпирических доказательств того, что эти факторы могут стать самостоятельными причинами первоначальной демократизации, немного.
- Страны с меньшим уровнем неравенства располагают более значительными шансами на то, чтобы стать – и остаться – демократиями.
- В странах, которые сильно зависят от добычи природных ресурсов как источника национального богатства, зависимость между экономическим развитием и демократией значительно слабее.

В остальных разделах настоящей главы рассматривается вопрос о том, насколько эти общие выводы применимы к региону с переходной экономикой. При этом для проверки этих предположений используются описательные статистические данные и результаты регрессионного анализа, а также данные обследования домохозяйств, позволяющие определить демократические убеждения различных слоев общества.

Реформа и демократия

Крах Советского Союза и коммунистического режима стал политическим аналогом «большого взрыва», дав странам региона с переходной экономикой возможность восстановить свои политические институты. В какой мере и насколько быстро это должно привести к формированию устойчивой демократии? В научных трудах, цитировавшихся в предыдущем разделе, содержатся три главных предположения.

Во-первых, можно было бы ожидать наличия определенной зависимости между исходными политическими институтами и базовыми социально-экономическими условиями каждой страны. Страны с развитой обрабатывающей промышленностью и относительно высокообразованным населением, как правило, создают и укрепляют демократические институты. И напротив, страны, экономика которых основывается на сельском хозяйстве или добывающей промышленности, обычно сталкиваются с более значительными трудностями при переходе к демократическим системам.

Во-вторых, по мере развития и роста экономики можно было бы ожидать укрепления демократии. Однако, поскольку между экономическим развитием и демократизацией существует определенный временной лаг, число стран, которые смогут сразу же перейти к полной демократии в первые 10–20 лет после начала экономического оживления в посткоммунистический период, будет, вероятно, относительно невелико.

В-третьих, можно было бы ожидать, что скорость перехода к рыночной экономике – особенно в первые несколько лет после краха коммунистических режимов – может служить предпосылкой склонности стран к демократизации или, по крайней мере, к формированию более-менее стабильных ростков демократических систем. Быстрое создание институтов либерального рынка уменьшило бы вероятность того, что политическая элита сможет установить контроль над значительной частью экономики (либо непосредственно, либо в сговоре с конкретными экономическими группами или компаниями) и блокировать создание демократических механизмов или искажать их действие, чтобы сохранить за собой политический контроль и экономическую ренту ¹.

Эти предположения подтверждаются фактическими данными. Политические потрясения 1989–1992 годов привели к формированию в разных странах совершенно разных политических систем с последующим периодом относительной стабильности как уровня демократии, так и свободы рынков (см. диаграмму 2.2).

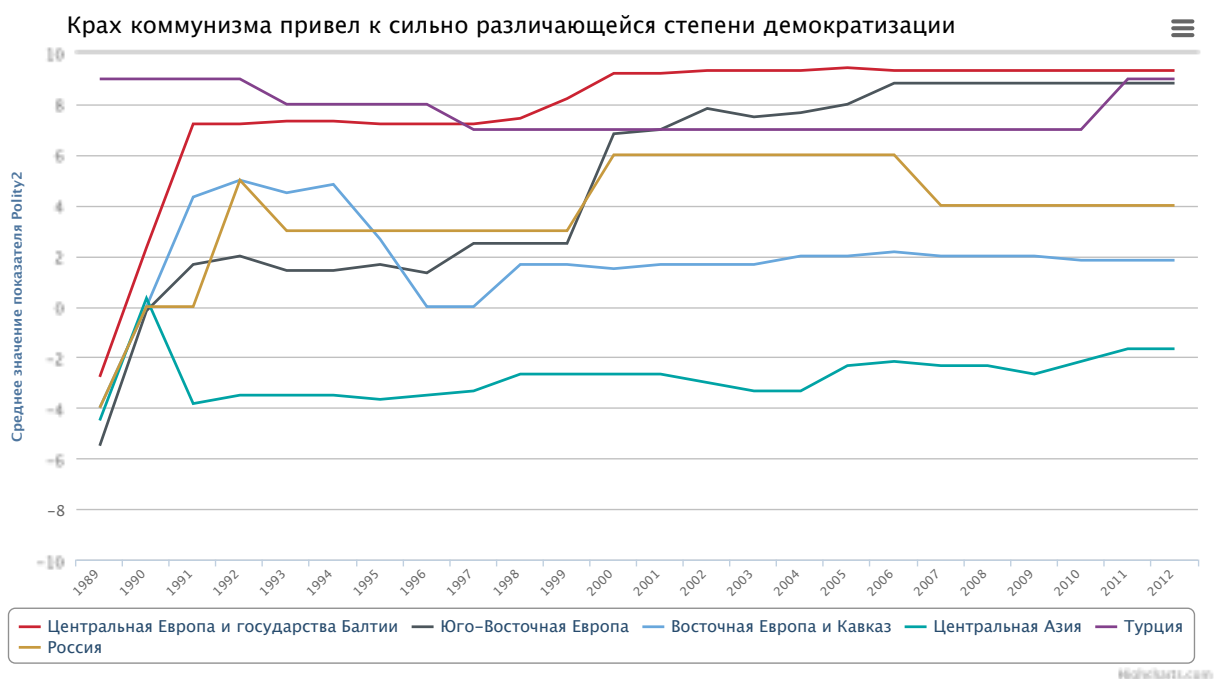
В странах Центральной Европы – наиболее развитых в бывшем советском блоке, которые меньше всего прожили при коммунистическом режиме (навязанном извне), обладали высокообразованным населением, но практически не имели природных ресурсов – к 1991 году политические институты были демократическими и к началу 2000-х годов достигли уровня развитых западных демократий.

Напротив, в странах Восточной Европы и Кавказа (БЕК) и Центральной Азии исходный уровень демократии был, как правило, низок, а достижения оказались неоднозначными. Во многих случаях это отражает власть старой элиты (или ее части, солидаризировавшейся с новыми политическими предпринимателями), которой в конечном итоге удалось установить контроль над стратегическими секторами экономики или над самим посткоммунистическим государством. Наименьшие успехи на пути демократизации отмечаются в большинстве богатых природными ресурсами аграрных стран Центральной Азии.

ГЛАВА 2

Рынки и демократия в регионе с переходной экономикой

+ Диаграмма 2.2

Источник: Polity IV.

Примечание. На диаграмме для каждого региона показано среднее значение показателя Polity2, взятое из базы данных Polity IV, за период с 1989 года по 2012 год.

Ряду стран Юго-Восточной Европы (ЮВЕ) удалось добиться за 20-летний период после 1992 года значительного прогресса на пути к демократии (см. диаграмму 2.3, на которой приводится сопоставление значений Polity в 1992 и 2012 годах). Государства, входившие ранее в состав бывшей Югославии, начинали при авторитарном или слабом демократическом режиме, однако к 2000 году стали полноценными демократиями.

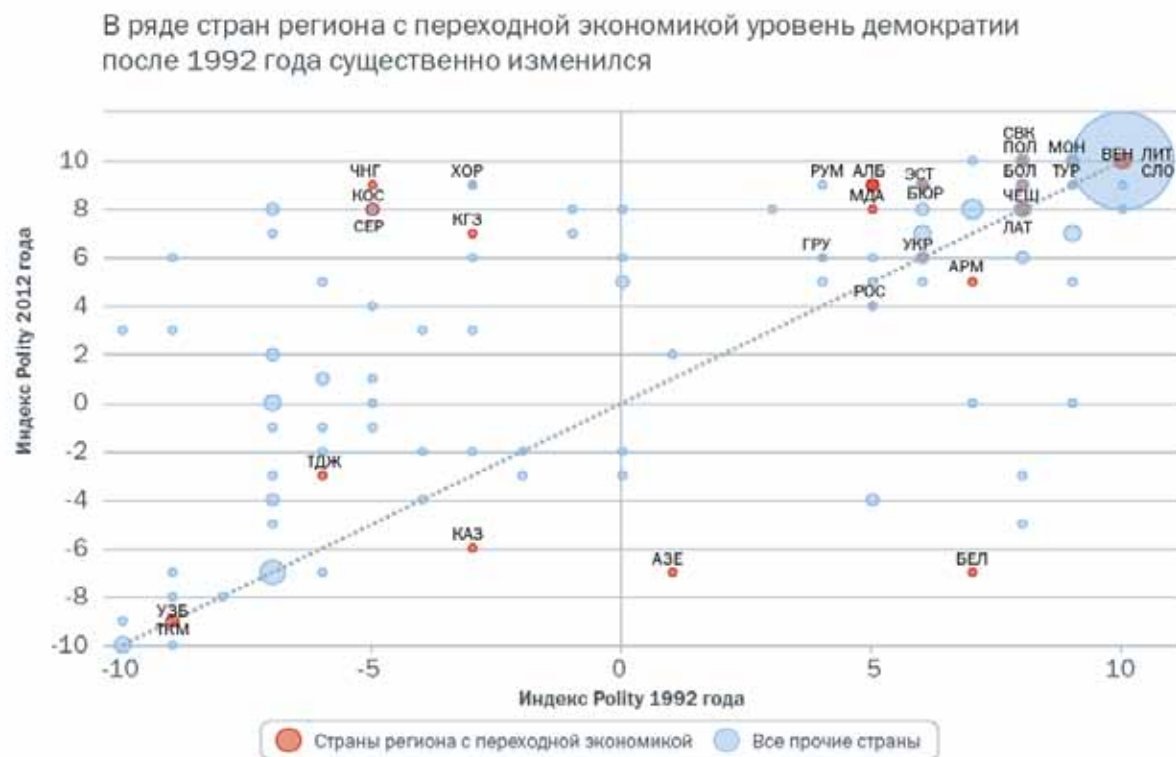
Переходный процесс в этих странах отчасти был обусловлен внешними потрясениями (как в случае режима Милошевича в Сербии, конец которого был ускорен войной в Косово), а отчасти – внутренними требованиями перемен (как в Хорватии). Аналогичная ситуация наблюдалась и в Киргизской Республике, перешедшей в 2010 году к демократии под воздействием внутренних сил. Однако другие страны, такие, как Беларусь, вернулись в 1990-е годы к более низкому уровню демократизации (см. тематическое исследование ниже в настоящей главе).

Это подводит нас к ключевому вопросу настоящей главы: что заставляет уровень демократии со временем меняться и чем объясняется разница в результатах этого процесса в разных странах? Насколько велика систематическая эмпирическая поддержка факторов демократизации, рассмотренных выше в настоящей главе?

ГЛАВА 2

Рынки и демократия в регионе с переходной экономикой

+ Диаграмма 2.3

Источник: Polity IV.

Примечание. На диаграмме показаны значения индекса Polity2 для стран региона с переходной экономикой (помечены) и прочих стран (не помечены) в 1992 и 2012 годах. Размеры маркеров на диаграмме соответствуют числу стран с указанными значениями в 1992 и 2012 годах. Например, голубой маркер на отметке 10,10 означает 24 страны, у которых показатель Polity2 равнялся 10 как в 1992, так и в 2012 году.

ГЛАВА 2

Рынки и демократия в регионе с переходной экономикой

Экономическое развитие и демократия: фактические данные

Стимулирует ли экономическое развитие демократизацию в странах с переходной экономикой? В литературе приводится, по меньшей мере, четыре причины того, почему показатель среднего дохода на душу населения может влиять на склонность страны к демократизации:

- при более высоком среднем уровне дохода обеспеченные избиратели будут с большей готовностью соглашаться на перераспределительные последствия демократии, особенно если издержки репрессий считаются чрезмерными;
- развитие в целом коррелирует с более низкими уровнями неравенства, по крайней мере, в долгосрочной перспективе ¹;
- развитие увязано с изменением характера богатства, т.е. с переходом от недвижимых активов, таких, как земля, к мобильному капиталу;
- более высокий уровень дохода на душу населения связан с образованием и секуляризацией, т.е. образованные граждане с большей вероятностью требуют возможности политического участия и придерживаются демократических убеждений.

В таблице 2.1 представлены результаты простой регрессии уровня демократии на экономическое развитие для глобальной выборки за период 1800–2000 годов. В таблице анализируется воздействие экономического роста на развитие демократии с лагом в 5, 10 и 25 лет. Из нее следует, что уровень ВВП на душу населения оказывает сильное положительное влияние на формирование демократии во всем мире. В странах, которые 5, 10 или 25 лет назад были богаче, уровень демократии сегодня выше (см. три левые колонки таблицы).

+ Таблица 2.1

Более высокий уровень дохода на душу населения традиционно является предпосылкой демократизации – однако сегодня в регионе с переходной экономикой дело обстоит по-иному

	Страны за пределами региона с переходной экономикой Продолжительность лага t (лет)			Страны региона с переходной экономикой Продолжительность лага t (лет)		
	5	10	25	5	10	25
Значение Polity в $t-t$	0,66***	0,39***	0,21**	0,58***	0,07	0,55**
Логарифм ВВП на душу населения в $t-t$	0,04**	0,14***	0,23**	-0,04	0,1	-0,04
Наблюдения	2007	911	269	163	78	26
Страны	143	137	78	11	11	8
R-квадрат	0,81	0,67	0,55	0,82	0,69	0,37

Источник: Показатели политического устройства (Polity) взяты из базы данных Polity IV. Показатели ВВП на душу населения, пересчитанные в доллары США по ценам 2000 года, взяты из работы Gleditsch (2002) за период 1950–2004 годов и из работы Maddison (2008) за более ранние годы в том виде, в каком они приводятся в Voix et al. (2012).

Примечание. В таблице приводятся результаты регрессионного анализа за охваченный выборкой период продолжительностью до 200 лет (1800–2000 годы). Зависимой переменной является индекс демократии Polity в момент t . * = $p < 0.10$; ** = $p < 0.05$; *** = $p < 0.01$.

ГЛАВА 2

Рынки и демократия в регионе с переходной экономикой

Неудивительно, что эта взаимосвязь между экономическим ростом и демократией не подтверждается в странах, относящихся сегодня к региону с переходной экономикой, многие из которых на протяжении большей части своей новейшей истории входили в состав недемократических государств или империй – Габсбургской, Османской и Российской империй до Первой мировой войны, а затем Советского Союза или одного из его сателлитов в Восточной Европе.

За это время многие страны в регионе с переходной экономикой добились быстрого развития в результате индустриализации, однако остались недемократическими. Поэтому весь последующий анализ в настоящей главе посвящен периоду 1989–2012 годов и предусматривает изучение взаимосвязи между экономическим развитием и изменением политического режима в посткоммунистический период.

В таблице 2.2 приводятся результаты панельной регрессии, аналогичной регрессии в таблице 2.1, но с учетом показателей обеспеченности природными ресурсами (в виде доли в ВВП) и неравенства доходов (измеряемого коэффициентом Джини). Судя по предшествовавшему анализу, эти переменные величины должны оказывать влияние на склонность к демократизации при данном уровне дохода на душу населения.

Как и в таблице 2.1, в ходе регрессионного анализа рассматривается взаимосвязь между демократией в году t и взятым с определенным лагом показателем ВВП на душу населения (а также показателями неравенства доходов и обеспеченности природными ресурсами). Из-за того, что выборка охватывает период меньшей продолжительности, в качестве лага во всех случаях берется пять лет ².

Рассматриваются три варианта зависимых и взятых с лагом зависимых переменных: во-первых, уровень демократии, выражаемый индексом Polity (как и в таблице 2.1); во-вторых, максимальное значение индекса Polity за предыдущие пять лет (Max5Polity), что, по сути, ограничивает анализ случаями, когда уровень демократии повышается; и, наконец, минимальное значение индекса за предыдущие пять лет (Min5Polity), что ограничивает анализ случаями, когда уровень демократии понижается.

Анализ этих переменных в дополнение к индексу Polity в момент t объясняется тем, что в случаях, когда речь идет о поощрении или замедлении демократических преобразований или о защите или подрыве уже достигнутого уровня демократии, некоторые из каузальных переменных могут оказывать различное влияние.

ГЛАВА 2

Рынки и демократия в регионе с переходной экономикой

+ Таблица 2.2

Определяющие факторы демократии в регионе с переходной экономикой и во всех остальных странах, 1989–2012 годы

Зависимая переменная	Polity		Max5Polity		Min5Polity		Polity	Max5Polity	Min5Polity	Min5Polity
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)
	Регион с переходной экономикой	Все остальные страны	Регион с переходной экономикой	Все остальные страны	Регион с переходной экономикой	Все остальные страны	Регион с переходной экономикой	Регион с переходной экономикой	Регион с переходной экономикой	Регион с переходной экономикой
Значение Polity в t-5	0,139***	0,679***	0,397***	0,635***	1,003***	0,944***	0,095*	0,386***	0,961***	0,950***
	-0,01	0	0	0	0	0	-0,07	0	0	0
Лог ВВП на душу населения в t-5	0,545	0,391**	1,204**	0,356**	0,474**	0,276***	0,343	1,191**	0,375	0,275
	-0,36	-0,01	-0,01	-0,02	-0,05	0	-0,57	-0,02	-0,15	-0,31
Природная рента в t-5	-0,027*	-0,037***	-0,080***	-0,030***	-0,002	-0,012**	-0,036**	-0,081***	-0,006	-0,006
	-0,09	0	0	-0,01	-0,83	-0,04	-0,03	0	-0,54	-0,55
Неравенство в t-5	0,026	0,021	-0,041	0,025	0,045*	-0,004	-0,046	-0,051	0,018	0,031
	-0,49	-0,26	-0,27	-0,16	-0,07	-0,67	-0,32	-0,3	-0,57	-0,35
Показатель переходного процесса в t-5							0,732***	0,117	0,608***	0,544**
							0	-0,67	0	-0,01
Членство в ЕС										0,503
										-0,24
Константа	-1,027	-1,794	-4,698	-1,234	-6,022**	-2,183***	1,082	-4,537	-5,712**	-5,213*
	-0,86	-0,29	-0,33	-0,46	-0,01	-0,01	-0,85	-0,39	-0,03	-0,05
N	103	376	103	376	103	376	95	95	95	95
хи-квадрат	17,6	849,8	181,5	793,4	1816	6475,4	25,4	161,6	1822,2	1849,5
p	0,001	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Зависимая переменная	Polity		Max5Polity		Min5Polity		Polity	Max5Polity	Min5Polity	Min5Polity
II	-235,3	-916,2	-217,7	-838,5	-182,8	-664,8	-216	-204,2	-166,3	-165,6
p_c	0	0,158	0	0,001	1	0,377	0	0	1	1

Источник: Polity IV, ЕБПР (для показателей переходного процесса), World Bank World Development Indicators.

Примечание. В таблице приведены результаты панельной регрессии с использованием результатов наблюдений в четыре различных момента времени: в 1995, 2000, 2005 и 2010 годах. В качестве метода оценки выбрана многоуровневая модель максимального правдоподобия с (фиксированными и случайными) эффектами, построенная с использованием команды xtmixed в программе «Stata». Ошибки группируются на страновом уровне. Под *Polity* понимается значение индекса Polity2, под *Max5Polity* – максимальное значение индекса Polity2 за предыдущие пять лет, а под *Min5Polity* – минимальное значение этого индекса за предыдущие пять лет. Значения “Р” приводятся в скобках. * означает, что $p < 0.10$; ** что $p < 0.05$; и *** что $p < 0.01$. Под «природной рентой» понимается доля добычи природных ресурсов в ВВП, а под «неравенством» – значение коэффициента Джини для неравенства доходов. «Членство в ЕС» – это переменный показатель, принимающий значение 1, если страна входит в число 10 государств Центральной и Восточной Европы, ставших новыми членами Европейского союза в 2004 и 2007 годах, и 0 в остальных случаях. N означает число наблюдений, p – общий уровень значимости регрессии, хи-квадрат – статистика хи-квадрат, II – логарифмическое значение правдоподобия модели сопоставления, а p_c – значение вероятности модели сопоставления.

Как видно из таблицы 2.2, если абстрагироваться от вида политического режима, существовавшего пятью годами ранее, обеспеченности природными ресурсами и неравенства, то вероятность продвижения страны к большей демократии очень сильно зависит от взятого с лагом значения ВВП на душу населения (см. колонки 1–6). Расчетный коэффициент у региона с переходной экономикой выше, чем у остальных стран мира, и статистически гораздо выше нуля во всех случаях, за исключением модели 1. Взятый с лагом показатель роста ВВП, по-видимому, оказывает большее влияние на стимулирование продвижения к демократии (колонки 3 и 4), чем на защиту стран от отказа от демократических ценностей (колонки 5 и 6).

1. См. Atkinson et al. (2009), Davies and Shorrocks (2000) и Morrisson (2000).
2. Для всех стран в качестве зависимой переменной в первом наблюдении выборки взят уровень демократии в 1995 году, а рассчитываемые с лагом зависимые и независимые переменные соответствуют значениям 1990 года; вторым наблюдением является уровень демократии в 2000 году, а рассчитываемые с лагом зависимые и независимые переменные соответствуют 1995 году, и т.д.

Природная рента

Из таблицы 2.2 также видно, что по миру в целом уровень природной ренты в отдельной стране – определяемый как доля ВВП, обеспечиваемая за счет добычи природных ресурсов, – оказывается существенной отрицательной предпосылкой уровня демократии через пять лет. В регионе с переходной экономикой это воздействие проявляется лишь в случае, когда зависимой переменной оказывается повышение значения Polity2 для демократии (Max5Polity). Это означает, что природная рента снижает шансы страны продвинуться по пути демократизации за пятилетний период.

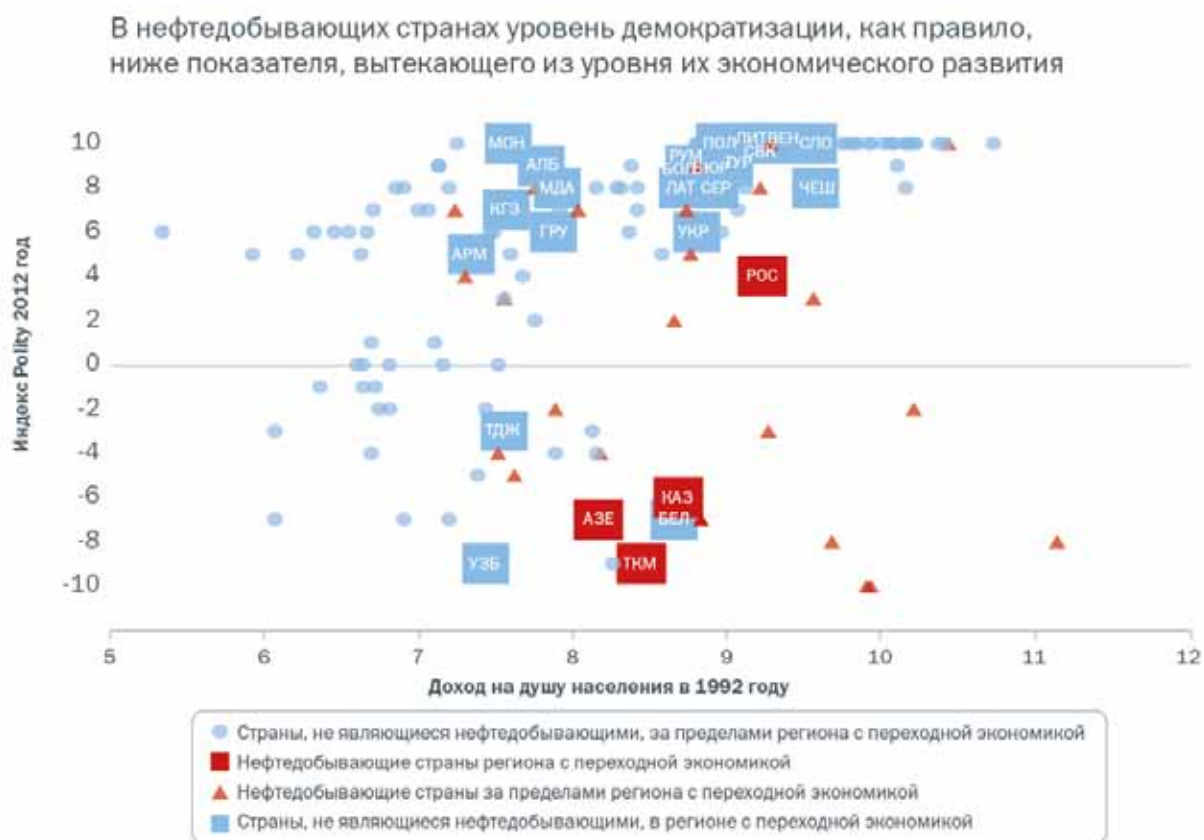
Отрицательное воздействие природной ренты на вероятность повышения уровня демократии в регионе с переходной экономикой оказывается примерно вдвое выше, чем в остальных странах мира. Регрессионный анализ не показывает, что природные ресурсы вызывают снижение уровня демократии, что объясняется тем, что лишь немногие страны в регионе с переходной экономикой, обладающие богатыми запасами природных ресурсов, столкнулись со снижением уровня демократии. В большинстве стран сохраняется низкий уровень демократии, а в некоторых этот уровень повышается.

Возможность превращения природной ренты в тормоз демократизации наглядно показана на диаграмме 2.4. На этой диаграмме отмечены показатели влияния показателя ВВП на душу населения в 1992 году на уровень демократии в 2012 году в нефтедобывающих странах (красные квадраты) и странах, не являющихся нефтепроизводителями (синие квадраты), в регионе с переходной экономикой, а также в нефтедобывающих странах (красные треугольники) и странах, не являющихся нефтепроизводителями (голубые точки), за пределами региона. В странах региона с переходной экономикой, получающих значительную природную ренту, уровень демократии значительно ниже, чем можно было бы предположить исходя из их уровня дохода.

ГЛАВА 2

Рынки и демократия в регионе с переходной экономикой

+ Диаграмма 2.4

Источник: Polity IV и показатели мирового развития Всемирного банка.

Способствуют ли рыночные реформы развитию демократии?

Если исходить из приведенного выше анализа, то можно было бы ожидать, что рыночная реформа косвенно содействует процессу демократизации, способствуя повышению уровня ВВП на душу населения. Вопрос заключается в том, оказывает ли она также прямое содействие демократизации в регионе с переходной экономикой. Имеются ли данные, подтверждающие, что более быстрый переход к рыночной экономике, особенно в первые годы после начала перехода, может способствовать демократизации или защитить ее, не позволив властным элитам слишком укорениться?

В главе 1 показано наличие сильной зависимости между нынешними уровнями рыночных реформ, оцениваемыми по средним значениям показателей переходного процесса ЕБРР в отдельных странах в 2013 году ¹, и существующим уровнем демократии (см. диаграмму 1.6). Эта зависимость носит и временной характер. Уровень демократии в 1992 году помогает спрогнозировать значения показателей переходного процесса в 2012 году и наоборот.

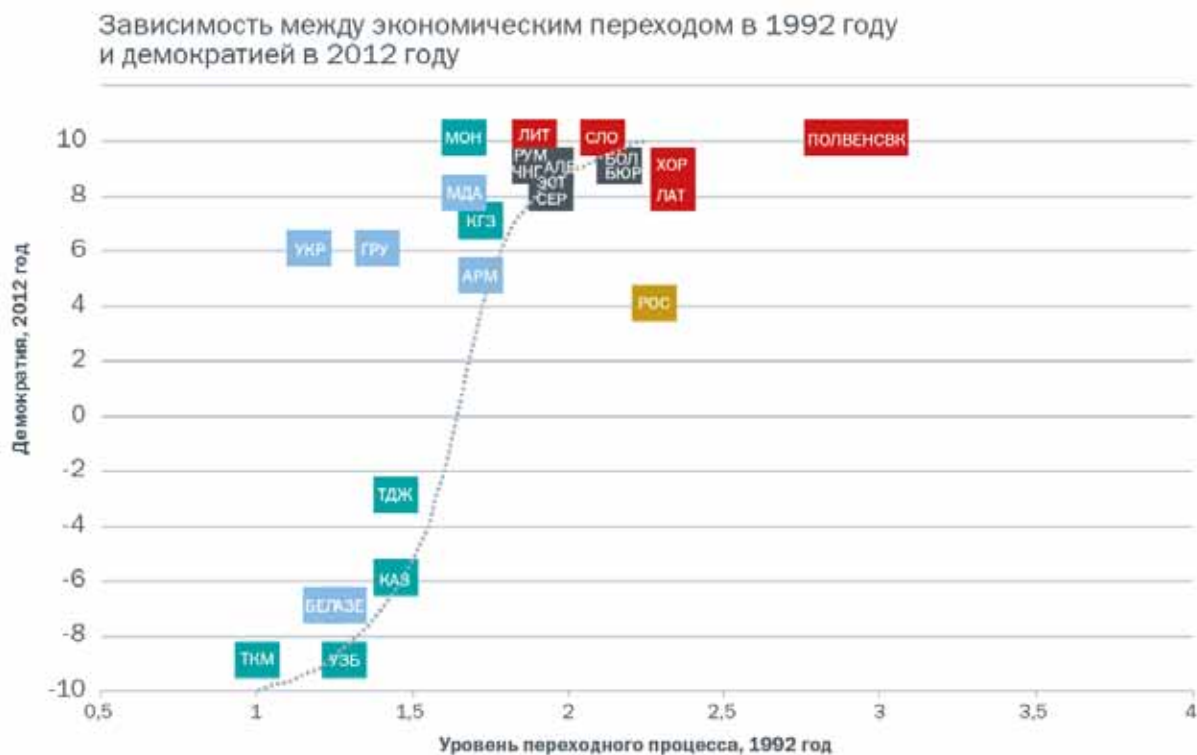
На диаграмме 2.5 показаны средние значения показателей переходного процесса в 1992 году в сопоставлении со значениями Polity2 в странах с переходной экономикой в 2012 году. Диаграмма свидетельствует о наличии S-образной зависимости между этими двумя понятиями, как наглядно показано на диаграмме 1.6 ².

За редким исключением (в частности, Грузии и Украины) очень низкому уровню переходного процесса в 1992 году, как правило, соответствует крайне низкий уровень демократии в 2012 году. После этого кривая начинает весьма быстро расти, что свидетельствует о том, что даже немногим более высокий исходный уровень переходного процесса, как правило, является предпосылкой значительно более высокого уровня демократии в 2012 году. Затем кривая выравнивается, показывая, что даже наиболее развитые в 1992 году в экономическом отношении страны региона с переходной экономикой не могут иметь в 2012 году показателей демократии выше 10.

ГЛАВА 2

Рынки и демократия в регионе с переходной экономикой

+ Диаграмма 2.5

Источник: Polity IV и ЕБРР.

Примечание. Уровень переходного процесса оценивается как среднее всех шести показателей переходного процесса ЕБРР на уровне отдельных стран.

Данная зависимость отнюдь не обязательно предполагает наличие причинно-следственной связи. Мы можем толковать эту зависимость, по крайней мере, четырьмя способами.

- Различия между странами в темпах осуществления рыночных реформ в 1992 году могли отражать существовавшие в то время различия в степени демократизации, которые по-прежнему ощущаются в 2012 году.
- Различия в первоначальной рыночной реформе могли коррелировать с существовавшим в то время уровнем дохода на душу населения, который мог оказывать влияние на демократизацию.
- Первоначальная рыночная реформа и демократизация могли отражать влияние географических факторов или перспектив членства в ЕС (см. главу 3).
- Возможно, имело место прямое или косвенное причинно-следственное воздействие раннего начала перехода к демократизации в виде ускорения роста и повышения уровня дохода на душу населения в промежуточный период или недопущения формирования новых элит, выступающих против демократии.

ГЛАВА 2

Рынки и демократия в регионе с переходной экономикой

Данный анализ не может подтвердить, какое из этих объяснений верно, однако дает основания предположить, что ни первые две гипотезы, ни «влияние членства в ЕС» не могут полностью объяснить наблюдающуюся картину. Данные колонки 7 в таблице 2.2 свидетельствуют о наличии сильной зависимости между переходным процессом и будущей демократизацией, даже если абстрагироваться от прошлых уровней демократии и показателя дохода на душу населения. Как видно из колонок 8 и 9, это обусловлено главным образом тем, что переход к рыночной экономике снижает риск отказа от достижений демократии. Не менее важно и то, что, как показывают данные в колонке 10, этот эффект сохраняется, даже если учесть в регрессионном анализе влияние членства в ЕС.

Все это свидетельствует о том, что влияние переходного процесса не просто отражает тот факт, что для потенциальных членов ЕС была более высока вероятность проведения более активных реформ и ниже вероятность отказа от достижений демократии.

Разумеется, могут существовать и другие факторы, помимо «влияния членства в ЕС» (такие, как историческая предрасположенность некоторых стран к демократии и рыночной экономике)³, которые можно было бы учесть при проведении регрессионного анализа. Однако результаты, приведенные в таблице 2.2, явно подтверждают предположение о том, что страны, рано приступившие к проведению реформ, смогли лучше защитить свои демократические режимы от сползания в авторитаризм, если они при этом осуществили либерализацию своей экономики (потому, возможно, что это не позволило прийти к власти в стране каким-либо внутренним группам экономических и политических сил, заинтересованных в том, чтобы затормозить демократические преобразования).

1. Используемые ЕБРР шесть показателей переходного процесса на уровне отдельных стран оценивают: i) приватизацию крупных предприятий; ii) приватизацию малых предприятий; iii) корпоративное управление и структурную реорганизацию предприятий; iv) либерализацию цен; v) либерализацию торговли и валютной системы; и vi) антимонопольную политику (см. приложение 2.1).

2. Следует иметь в виду, что на данной диаграмме оси координат развернуты относительно диаграммы 1.6, т.е. значения демократии показаны на оси ординат, а показатели перехода – на оси абсцисс.

3. См. главу 3, врезку 3.1.

Поддержка демократии на личном уровне

Как явствует из проведенного выше анализа, раннее проведение рыночных реформ и экономическое развитие способствуют демократизации и предотвращают развитие антидемократических тенденций, а обеспеченность природными ресурсами может служить сдерживающим фактором. Каналами, по которым эти факторы оказывают причинно-следственное воздействие, являются потребность в демократии или противодействие ей со стороны конкретных групп, выигрывающих от ее наличия или отсутствия, и воздействие экономического развития на уровень образования (который, в свою очередь, предположительно влияет на демократические убеждения).

Помимо приведенных выше данных анализа на уровне отдельных стран, в настоящем разделе используются данные по домохозяйствам, собранные в ходе обследования «Жизнь в переходный период» (LiTS) (см. главу 5 данного «Доклада о переходном процессе»), проведенного в 2010 году ЕБРР и Всемирным банком для изучения отношения отдельных людей в регионе с переходной экономикой к демократии.

В ходе этого обследования были собраны подробные социально-экономические данные о респондентах и их семьях и получены ответы респондентов на вопросы об их ценностях и убеждениях, включая поддержку демократии ¹. При помощи этих данных можно проверить правильность трех гипотез.

- Хотя данное обследование не предназначено для изучения взглядов элит, которые могут быть заинтересованы в противодействии демократизации, оно охватывает отдельные группы, которые предположительно извлекают экономические выгоды из сохранения статус-кво в менее демократических системах. К их числу относятся работники государственного сектора, в частности, занятые на государственных предприятиях (ГП), которые могут оказаться в проигрыше в результате демократизации и рыночных реформ ². Есть ли какие-либо данные, подтверждающие, что эти группы менее активно поддерживают демократию, чем другие жители той же страны?
- Действительно ли высокообразованные люди активнее поддерживают демократию, чем люди с более низким уровнем образования?
- Действительно ли люди, добившиеся неплохих успехов при демократических системах, активнее поддерживают демократию? С одной стороны, люди, доходы которых растут, могут предпочесть сохранение выгодного для них статус-кво; с другой – повышение доходов может привести к росту потребности участвовать в политической жизни даже при данном уровне формального образования.

Мы использовали регрессионный анализ, чтобы определить, влияют ли на поддержку демократии на уровне домохозяйств следующие факторы:

- характер занятости респондентов (являются ли они государственными служащими, работниками государственных предприятий или работниками частных отечественных или зарубежных компаний);
- уровень образования (начальное, среднее или высшее);
- предполагаемое изменение места на шкале доходов за предыдущие четыре года;
- возраст респондента.

Анализ проводится отдельно для стран со сформировавшейся демократией и для менее демократических режимов. Ниже приводятся важнейшие результаты (см. также приложение 2.1).

- Как и ожидалось, как в демократиях, так и в менее демократических

ГЛАВА 2

Рынки и демократия в регионе с переходной экономикой

странах работники государственных предприятий менее склонны поддерживать демократию, чем люди, работающие в частных компаниях. Однако этот результат статистически значим лишь в последней группе стран, где вероятность поддержки демократии работниками государственных предприятий примерно в два раза ниже, чем работниками частного сектора.

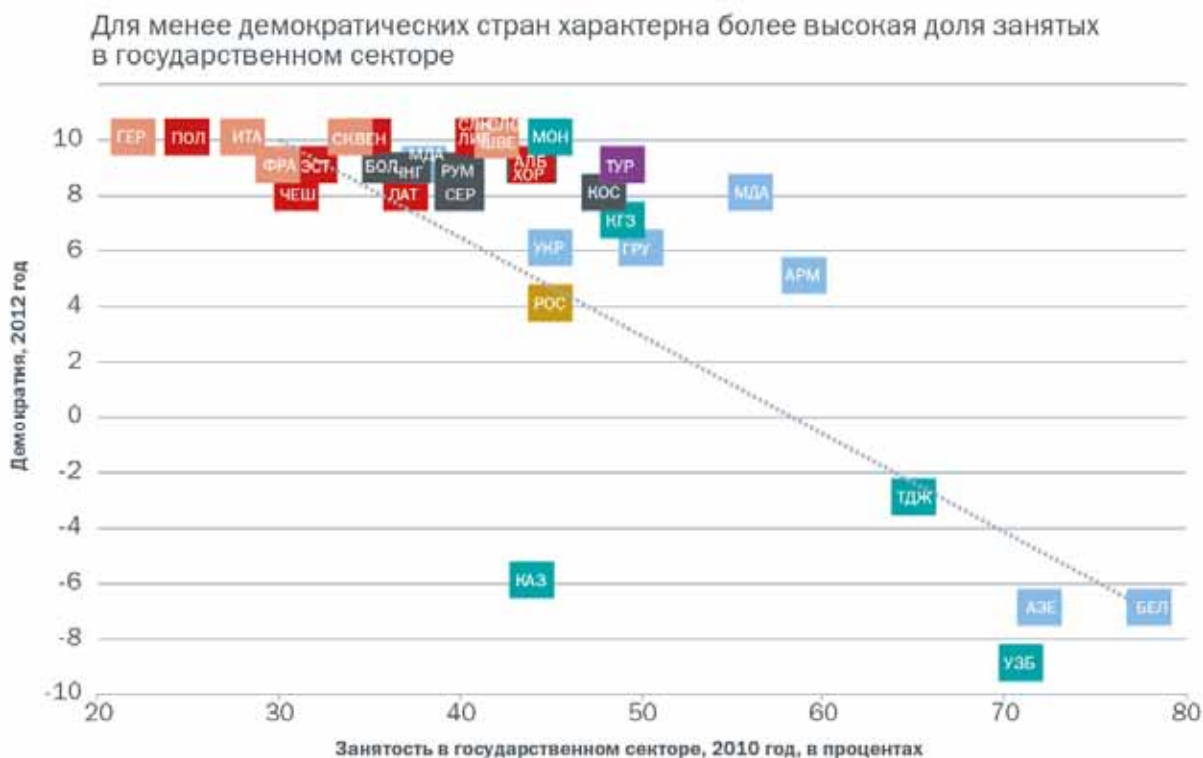
- В демократических странах образованные респонденты, имеющие законченное среднее или высшее образование, более склонны поддерживать демократию, чем менее образованные респонденты. Интересно, что (вопреки всем ожиданиям) в странах, где исполнительная власть практически ничем не ограничена, наблюдается обратная картина, хотя эти результаты, как правило, не являются статистически значимыми. Исключение составляют высокообразованные государственные служащие и работники государственных предприятий, которые в менее демократических режимах гораздо более склонны поддерживать демократию, чем их коллеги с более низким уровнем образования.
- Респонденты из демократических стран с рыночной экономикой более склонны поддерживать демократию, если они считают, что стали жить лучше (по сравнению с другими), чем четыре года назад, даже если их относительное место на шкале доходов за эти четыре года не изменилось³. В менее демократических странах этого не наблюдается.

Указанные результаты имеют самое непосредственное отношение к перспективам будущей демократизации в регионе с переходной экономикой. Страны с менее демократическими режимами – в которых работники государственных предприятий, как правило, выступают против демократизации, – также отличаются особенно высокой долей занятых в государственном секторе (см. диаграмму 2.6). В Азербайджане, Беларуси и Узбекистане доля занятых в государственном секторе превышает 70% от общего числа работников, а в Таджикистане составляет свыше 60%. Это может замедлить процесс демократических преобразований в этих странах. Обнадешивает, что указанная зависимость, как представляется, частично компенсируется уровнем образования, т.е. чем более образованы работники государственного сектора, тем менее вероятно, что они будут выступать против демократизации.

ГЛАВА 2

Рынки и демократия в регионе с переходной экономикой

+ Диаграмма 2.6

Источник: LITS (2010) и Polity IV.

Примечание. Занятость в государственном секторе выражена в виде процентной доли от общего числа работников в 2010 году.

1. В частности, респондентов спрашивали, считают ли они демократию наиболее предпочтительной из всех политических систем, может ли авторитарное правление в определенных обстоятельствах быть предпочтительной формой, или же им безразлично, какая система правления существует. См. ЕБРР (2011a) и ЕБРР (2011b).
2. Эта связь подробнее анализируется в главе 3.
3. В ходе обследования LITS 2010 года респондентам предлагалось оценить их собственное место на шкале доходов от 1 до 10 (где 1 соответствует беднейшим 10%, а 10 – самым богатым 10%) в данный момент, четыре года назад и четыре года спустя. Оценивая разницу между этими значениями, можно измерить относительное материальное благополучие респондентов в 2010 году по сравнению с 2006 годом, а также ожидаемое материальное благополучие респондентов в будущем.

ГЛАВА 2

Рынки и демократия в регионе с переходной экономикой

Тематические исследования

Многие из ключевых факторов, определяющих ход развития демократии в регионе с переходной экономикой, проиллюстрированы представленными ниже тематическими исследованиями по отдельным странам. Они были выбраны с таким расчетом, чтобы обратить внимание на конкретные вопросы, такие, как вопрос о том, почему некоторые страны отличаются меньшим уровнем демократии, чем можно было бы ожидать с учетом их уровня экономического развития.

+ Беларусь

В начале переходного процесса – с 1991 года по 1994 год – Беларусь классифицировалась как демократия или неполная демократия. После распада Советского Союза Беларусь создала политические институты, которые ограничивали полномочия исполнительной власти, обеспечивали, в принципе, соблюдение демократических прав и предусматривали наличие мощной законодательной власти и отсутствие вначале поста президента.

Однако многие из общих предпосылок для стабильной демократии отсутствовали. Беларусь располагала слабыми политическими, экономическими и правовыми институтами, не имела крупного среднего класса и отличалась низким уровнем развития гражданского общества. Принятие конституции 1994 года, предусматривающей мощную президентскую систему, возможно, еще более усугубило крен страны в сторону модели развития, определяемой государством. Продвижение Беларуси к демократии не стало необратимым: за истекшее время прогресс в этом отношении по ряду направлений прекратился или даже сменился отказом от демократических достижений.

Однако сегодня страна обладает многими из характеристик, описанных в предыдущих разделах в качестве ключевых определяющих факторов перехода к демократии и консолидации ее достижений: население отличается высоким уровнем образования; уровень ВВП на душу населения, составляющий по паритету покупательной способности почти 16 000 долл. США, является одним из самых высоких в Восточной Европе и Центральной Азии; Беларусь, как и соседние государства Балтии, располагает крупнейшим среди стран бывшего социалистического лагеря средним классом (как с точки зрения образования, так и по уровню дохода)¹; показатели мелкой коррупции и неравенства невелики; государственные структуры обладают сравнительно высоким административным потенциалом; и страна граничит на севере и западе с несколькими демократическими странами.

С учетом этих характеристик было бы разумно ожидать, что за более чем 20 лет с момента начала переходного процесса Беларусь добьется гораздо большего прогресса в продвижении к демократии. Почему же социально-экономическая модернизация не привела к более эффективно функционирующим демократическим институтам? Вероятнее всего, определенную роль в этом сыграли следующие четыре фактора.

Государство-рантье

Хотя Беларусь располагает ограниченными собственными природными ресурсами – главным образом калием и древесиной, – ее социально-экономическая модель соответствует описанию государства-рантье. Однако белорусское государство-рантье не разрабатывает собственных природных ресурсов, а зависит от крупных трансфертов из России в форме значительных субсидий при импорте нефти и газа, а также в виде прямой финансовой помощи. Эта рента

ГЛАВА 2

Рынки и демократия в регионе с переходной экономикой

в сочетании с доминирующей ролью государства в экономике позволяет властям перераспределять субсидии среди населения, поддерживая относительно высокий уровень жизни. А это, в свою очередь, гасит тягу населения к политическим переменам.

Общественный договор

В соответствии со сложившимся в Беларуси общественным договором власти обеспечивают стабильность, порядок, современность и низкий уровень неравенства по доходам. В свою очередь, электорат остается политически латентным – хотя имели место случаи несогласия, которые власти оперативно подавили. Контроль над СМИ (см. ниже) подкрепляет этот договор и формирует предпочтения населения.

Вместе с тем независимые обследования показывают, что значительная часть населения – хотя и не большинство – предпочитает не свободу, а порядок. Это объясняется не тем, что людям неизвестны возможности, имеющиеся в свободном обществе. По количеству шенгенских виз на душу населения Беларусь занимает первое место в мире, и белорусы регулярно выезжают в соседние Литву и Польшу (обе страны являются государствами–членами ЕС с демократическими политическими режимами). Однако они до сих пор слишком хорошо помнят о нестабильности в начале 1990-х годов и твердо убеждены в том, что демократизация и либерализация рынка привели к резкому росту коррупции и снижению качества государственного управления в соседних России и Украине.

Государственный контроль над средствами массовой информации

Третья ключевая причина, по которой Беларусь не стала должным образом функционирующей демократией, – это недостаточная свобода средств массовой информации. В стране существует очень мало независимых газет, тираж которых к тому же ограничен, и нет ни одного независимого национального телеканала. Ограниченные возможности для публичной критики сужают возможности для общенационального обсуждения вопросов политики. Белорусы не принимают активного участия в открытом рассмотрении альтернативных политических и экономических стратегий, и поэтому требования перемен заглушаются.

Занятость в государственном секторе и высшее образование

Предпочтения избирателей могут формироваться под воздействием роли государства в экономике и высшем образовании. Около 70% экономической деятельности и всех рабочих мест в Беларуси приходятся на государственную службу или государственные предприятия. Кроме того, в стране действует лишь ограниченное число частных высших учебных заведений, что позволяет властям через государственные высшие учебные заведения оказывать существенное влияние на обучающихся там студентов.

Это может иметь два независимых – хотя и связанных между собой – следствия для сохранения политической системы. Во-первых, работники государственных структур или предприятий могут быть больше заинтересованы в сохранении статус-кво и удержании власти теми, кто уже занимает высшие посты. Во-вторых, руководители в государственном секторе и администрация университетов могут использовать свою власть над работниками и студентами для поощрения лояльности и дисциплинированного политического поведения². Эти меры, дестимулирующие участие в политической жизни, по сути, демобилизуют те слои населения, которые в других условиях зачастую оказываются наиболее политически активными сторонниками реформ.

ГЛАВА 2

Рынки и демократия в регионе с переходной экономикой

+ Россия

Переход России от коммунистической системы к капиталистической начался с реформ Михаила Горбачева в середине и конце 1980-х годов (гласность, перестройка и «новое мышление»). Эти реформы привели к возникновению общественных движений, выступающих против монополии коммунистической партии на власть, проведению в 1989 году первых состязательных выборов, по итогам которых был сформирован новый законодательный орган, обладающий реальными полномочиями, и демократическому избранию в 1991 году президента Бориса Ельцина³. Ельцина поддерживала партия «Демократическая Россия», в которую входили либералы и демократы из интеллигенции и представители формирующегося класса предпринимателей.

Однако консолидации достижений демократии, для которой требовалась общественная поддержка поступательных реформ, не произошло. Более того, первые реформы, проведенные «Демократической Россией», не принесли большинству россиян ни процветания, ни новых возможностей. Все выгоды от безупречно проведенной приватизации получила немногочисленная группа олигархов, тесно связанных с политическим руководством, что, в свою очередь, заставило усомниться в легитимности имущественных прав и верховенстве закона⁴.

Приверженность Ельцина принципам демократии оказалась под вопросом в 1993 году, когда он применил силу против своих оппонентов в законодательном органе и активно лоббировал новую конституцию, наделившую президента значительными полномочиями, но при этом предусматривавшую слабую систему сдержек и противовесов. К середине 1990-х годов часть достижений России в области политических реформ оказалась утрачена, а главенствующее положение в новой политической системе приобрели мощные группы лиц, объединенных общими интересами. Президентские выборы 1996 года изобиливали нарушениями и принесли еще четыре года нестабильности, беззакония и экономического краха – включая дефолт России по долговым обязательствам в 1998 году.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что тщательно отобранный преемник Ельцина Владимир Путин был избран в 2000 году на волне одобрения его программы «закона и порядка». Ему удалось восстановить политическую стабильность и экономический рост, следуя модели государственного капитализма, и заручиться устойчиво высоким уровнем общественной поддержки. В первые два срока его пребывания у власти показатель ВВП на душу населения в России вырос более чем вдвое, что привело к значительному повышению уровня благосостояния рядовых граждан.

В рамках новой системы «суверенной демократии» выборы по-прежнему проводились регулярно, а в парламенте сохранялось представительство многих партий, однако на деле политический плюрализм оказался ограничен. Государство восстановило свою ведущую роль в политике и экономике, сформировав «вертикаль власти», которая способствовала становлению партии «Единая Россия» и появлению мощных государственных компаний.

В базе данных Polity Россия относится к демократическим государствам (хотя и находится в середине шкалы), она сталкивается с проблемами в укреплении демократической практики и ценностей. В то же время в последние 15 лет страна быстро развивается, добилась прогресса в формировании рыночных институтов и располагает крупным средним классом. Тот факт, что в области демократизации Россия добилась меньших успехов, чем на пути перехода к рыночной экономике, отчасти объясняется тремя структурными факторами: характером ее среднего класса, демографической структурой и ролью нефтегазовых поступлений.

ГЛАВА 2

Рынки и демократия в регионе с переходной экономикой

Средний класс, в котором доминируют государственные служащие

Большинство людей считают, что средний класс – это ключевой оплот плюралистических политических систем. Однако в России он не является активной движущей силой демократизации. С середины 2000-х годов российский средний класс во все большей степени состоит из бюрократов и работников государственных корпораций ⁵. Эта группа, как правило, выступает за политическую стабильность, поддерживает правящую партию «Единая Россия» и не склонна считать вопросы политической конкуренции или демократических ценностей самыми важными. Число предпринимателей в составе российского среднего класса в последние годы уменьшается, поскольку многие малые и средние предприятия России сталкиваются с все более серьезными экономическими трудностями.

Социально-демографические факторы

Низкие темпы демократизации в России могут быть также связаны со структурой ее населения, в которой выделяются четыре демографические категории, различающиеся по уровню поддержки демократических реформ и реагирующие на разные стимулы ⁶.

- *Крупные города с населением свыше одного миллиона человек, включая Москву и еще 12 городов.* Эта категория, на долю которой приходится 21% населения, дальше всего продвинулась по пути признания ценности рыночной экономики и включает наибольшую долю предпринимателей и представителей среднего класса. Это наиболее активная в политическом смысле часть населения, отличающаяся самым высоким уровнем образования и масштабами пользования Интернетом. Крупные города находились в центре политических протестов 2011–2012 годов. Вместе с тем важно иметь в виду, что население этих городов стареет и в значительной части состоит из работников государственных компаний и государственного сектора.
- *Средние промышленные города с населением от 100 тыс. до 250 тыс. человек.* Эта категория, на долю которой приходится 25% населения, поддерживает сохранение политического статус-кво. Для этих городов характерны доминирование государственного сектора и унаследованная от советской эпохи промышленная база, а численность среднего класса гораздо меньше. Население этих городов, скорее всего, пострадало от структурных реформ и готово выступать за политические перемены только в случае сокращения государственных субсидий. В этих населенных пунктах высока поддержка левых и националистических сил.
- *Сельское население, жители мелких городов и поселков.* За последние десять лет численность этой категории населения сильно уменьшилась. Однако доля этой категории по-прежнему составляет 38% от общей численности населения, равномерно распределяется по всей территории страны и особенно представительна в центральных и северо-западных регионах, на Урале, в Сибири и на Кавказе. Эти люди демонстрируют минимальное желание или возможности политической мобилизации, даже в случае экономического кризиса.
- *Население этнических республик – в первую очередь Северного Кавказа и Южной Сибири.* Этот сегмент населения наличествует во всех трех вышеперечисленных категориях. Эти регионы, отличающиеся значительной теневой экономикой и высокими уровнями безработицы и коррупции, больше всего зависят от трансфертов из федерального бюджета. Государство оказалось не в состоянии обеспечить улучшение их экономического положения, однако будет и далее субсидировать их даже в случае экономического кризиса, поскольку они обеспечивают наивысший уровень поддержки находящейся у власти партии, уровень поддержки которой в ходе проведенных в 2011 году выборов превысил во многих республиках 90%.

ГЛАВА 2

Рынки и демократия в регионе с переходной экономикой

Государство-рантье

Третьим барьером на пути к дальнейшей демократизации России может быть зависимость страны от природных ресурсов. Это открывает возможности для коррупции и ослабляет стимулы к повышению прозрачности в административной сфере. Это также снижает стремление избирателей обеспечить подотчетность правительства, поскольку государственный бюджет по меньшей мере наполовину формируется не из налоговых поступлений, а за счет выручки от продажи углеводородов. Это позволяет властям сохранять уровень общественной поддержки благодаря выплате более высоких социальных пособий и субсидированию занятости в государственном секторе – особенно среди более зависимых категорий населения.

+ Тунис

Хотя в ходе «третьей волны» с середины 1970-х до начала 1990-х годов демократия получила широкое распространение, ни одна из арабских стран не завершила процесса перехода. Это исключение из глобальной тенденции объясняется, в частности, большими запасами природных ресурсов в государствах Персидского залива, слабым гражданским обществом, отсутствием демократической культуры, относительно небольшим числом расположенных по соседству демократических стран и способностью авторитарных государств удерживать население от требований перемен при помощи тактики запугивания и выборочных репрессий ⁷.

Статус-кво был нарушен революцией в Тунисе в декабре 2010 – январе 2011 года. Многие из предпосылок прорыва к демократии уже существовали, однако требовался детонатор. Таким детонатором стало самосожжение молодого предпринимателя, проживавшего в условиях усиливающейся урбанизации и не имевшего практически никакого доступа к контролируемой государством системе социального обеспечения. Мохаммед Буазизи стал олицетворением тенденций, формировавшихся в тунисском обществе на протяжении ряда лет.

Рост частного сектора

За последнее десятилетие вклад частного сектора в национальные инвестиции вырос до примерно 60%. В этом секторе заняты свыше 70% тунисцев. Экономика все более диверсифицируется, а доля туризма в ВВП страны постепенно снизилась до 14,3% в 2011 году. Возникают новые отрасли сферы услуг, поступления которых не зависят от государства или патронажа политической элиты. Заметно окреп дух предпринимательства, особенно в сфере финансовых услуг и – в меньшей степени – в розничной торговле и гостиничном секторе.

Рост частного сектора привел к активизации гражданского общества в Тунисе. За несколько лет до народного восстания появился ряд ассоциаций деловых кругов, что, в свою очередь, привело к укреплению других представительных организаций, таких, как профсоюзы. Аналогичные тенденции наблюдались и в высших учебных заведениях, особенно в студенческих союзах. Система образования Туниса – страны, в которой общенациональный уровень грамотности составляет 80% и которая поддерживает тесные культурные связи с Европой, – вот уже несколько десятилетий является одной из лучших в арабском мире.

По сравнению со многими другими арабскими странами Тунис также добился гораздо лучшего гендерного баланса в системе образования, рабочей силе и гражданском обществе, что объясняется законодательной защитой личных прав женщин с 1950-х годов.

ГЛАВА 2

Рынки и демократия в регионе с переходной экономикой

Влияние демографических факторов

Центральную роль в социально-политических изменениях в стране сыграли демографические факторы, поскольку 40% населения численностью в 10,5 млн. человек составляют люди моложе 25 лет. В условиях, когда доля пользователей Интернетом и мобильными телефонами достигла в 2011 году 36,8% и соответственно 91,6%, молодые тунисцы, как ни одно из прежних поколений, быстро вступают в открытый контакт с внешним миром. Эти технологии также предоставили в распоряжение групп молодых активистов инновационные средства, позволяющие избегать внимания аппарата государственной безопасности, подчинявшегося режиму бывшего президента Бен Али. Хотя на протяжении двух десятилетий, предшествовавших 2011 году, деятельность основных средств массовой информации была жестко ограничена, появление общеарабских и международных спутниковых каналов, которые могли обойти государственный контроль, способствовало активизации политической жизни в Тунисе.

В период 2005–2010 годов темпы экономического роста Туниса устойчиво удерживались в среднем на уровне 4,4% в год. Однако повсеместная коррупция и устойчиво хищническое поведение ключевых центров силы привели к концентрации активов в руках немногих собственников и резкому усилению неравенства в плане личных доходов, доступа к возможностям трудоустройства и инфраструктуре – особенно между урбанизированным северным побережьем и остальной территорией страны. Одновременно с этим высокий уровень безработицы среди молодежи (составлявший в 2006–2010 годах в среднем 29%) и значительные масштабы внутренней миграции привели к усилению социальной напряженности и неравенства в крупных городах.

Особенно важную роль, по-видимому, сыграло то, что незадолго до 2011 года президент Бен Али по причине плохого здоровья начал все менее активно участвовать в принятии решений. Это привело к конфликтам интересов между силами безопасности и стремящимися к власти новыми центрами силы (состоящими из членов семьи Бен Али). Силы безопасности начали все больше вытесняться из верхних эшелонов режима, которые готовились получить власть в наследство от больного президента.

События января 2011 года и волна преобразований, охватившая весь арабский мир за последние два с половиной года, объясняются действием нескольких исторических и политических факторов, связанных со структурой государства, прочностью государственных институтов и недостатком политической легитимности. Тем не менее, одним из важнейших факторов, способствовавших успеху преобразований в Тунисе, стал рост среднего класса. В период с 2005 года по 2010 год он увеличился практически вдвое и начал оказывать все более заметное влияние, поскольку новое поколение стало выражать политическое недовольство с применением новых технологий. На этом фоне механизмы контроля, которые использовал режим Бен Али, постепенно разрушились.

Процесс перехода Туниса к демократии далек от завершения и сопряжен со значительными проблемами. Однако лежащий в его основе неуклонный рост частного сектора и среднего класса в сочетании с расширением возможностей как гражданского общества, так и молодежи иллюстрирует набирающее силу стремление населения арабских стран к политическим системам, обеспечивающим подотчетность правительства и уважение политических и гражданских прав. Арабские страны и их партнеры в международном сообществе должны сосредоточиться на поиске путей преодоления препятствий, мешающих их переходу к хорошо функционирующим рынкам и демократии.

ГЛАВА 2

Рынки и демократия в регионе с переходной экономикой

-
1. См. ЕБРР (2007).
 2. См. Frye et.al. (2013)
 3. См. Brown (2001).
 4. Как показывают опросы общественного мнения, лишь 8% россиян готовы полностью согласиться с результатами приватизации 1990-х годов, а 22% хотят полностью пересмотреть итоги этой приватизации вне зависимости от того, как сейчас действуют частные компании (www.levada.ru/archive/gosudarstvennye-instituty/vlast-i-biznes/s-kakoi-iz-sleduyushchikh-tochek-zreniya-v-otnoshen).
 5. Доля государственных предприятий в российской экономике по-прежнему составляет 50%.
 6. См. Zubarevich (2012).
 7. См. Bellin (2004) и Diamond (2010).
-

Заключение

Обсуждение наиболее важных факторов, ведущих к формированию устойчивой демократии, еще не закончено. Однако поддержка теории модернизации – согласно которой экономическое развитие со временем приводит, хотя и не всегда, к демократии – получила мощное эмпирическое обоснование в последних исследованиях, охватывающих длительные ряды данных и изолированно рассматривающих несколько факторов.

Еще одним подтверждением теории модернизации является настоящая глава, в которой анализ взаимосвязи между экономическими и политическими факторами распространяется на процесс развития в регионе с переходной экономикой. Увеличение показателя ВВП на душу населения ведет к росту демократии – за исключением стран-экспортеров нефти, которые оказываются менее демократическими, чем можно было бы предположить исходя из их уровня дохода. Как представляется, рыночная реформа способствует демократизации, не только влияя на рост, но и непосредственным образом, что, возможно, объясняется тем, что она не позволяет закрепиться у власти антидемократически настроенным политическим и экономическим элитам.

С уровнем демократии также сильно коррелируется формирование массового среднего класса, хотя и следует иметь в виду, что в богатых природными ресурсами государствах средний класс, как представляется (пока, во всяком случае), играет менее значительную роль в формировании активного спроса на демократию.

Очевидно, что главной движущей силой поддержки демократизации снизу вверх является образование и что работники государственной сферы в менее демократических странах, как правило, выступают против демократизации – хотя при наличии у них высокого уровня образования они делают это менее активно. Поскольку в таких странах численность государственных работников, как правило, превышает численность работников частного сектора, это может ослаблять требование избирателей перейти к более плюралистическим политическим системам.

Эти результаты неудивительны, поскольку они в целом соответствуют общемировым тенденциям и основным направлениям теоретических исследований. Однако они оказывают воздействие на формирование в регионе с переходной экономикой более эффективной системы демократического правления.

- Дальнейшая поддержка рыночных реформ и развития на основе опережающего роста частного сектора со временем приведет, вероятно, к повышению уровня демократии в менее демократических странах и предотвращению эрозии демократических систем в странах со сформировавшейся демократией.
- Мероприятия, направленные на поддержку роста частного сектора и формирования мощного гражданского общества, будут усиливать требования демократических перемен.
- Инвестиции в компании частного сектора и создание в этом секторе новых рабочих мест могут привести к формированию рабочей силы, более активно выступающей за демократическую форму правления.
- В странах, обладающих богатыми запасами природных ресурсов, поощрение диверсификации экономики и оказание адресной поддержки частному сектору могли бы способствовать формированию у избирателей более высоких ожиданий в отношении подотчетности государственного сектора.

ГЛАВА 2

Рынки и демократия в регионе с переходной экономикой

- Решение о предпочтительной форме политического правления будет в конечном итоге приниматься самими странами. Международному сообществу, занимающемуся вопросами развития, нужно будет терпеливо, но настойчиво поддерживать достижение долгосрочных целей в области переходного процесса и работу базовых институтов, обеспечивающих наиболее благоприятные условия для их достижения.

Врезка 2.1. Роль среднего класса

Какую роль играет средний класс в содействии переходу к демократии?

В большей части литературы, посвященной модернизации, начиная с работы Lipset (1959), авторы придерживаются твердого убеждения, что средний класс – как только он достигает определенного размера – является оплотом и открытых рынков, и демократии ¹.

Считается, что люди, относящиеся к среднему классу по уровню дохода, образованию и профессии, с большей вероятностью поддерживают основополагающие рыночные принципы, такие, как защита имущественных прав и беспристрастное применение законов, определяющих порядок регулирования экономики. Также предполагается, что в силу своих доходов и социального положения они начинают все активнее выступать за демократическое правительство и состоятельные выборы, ограниченное и подотчетное государство и гарантии всеобщих прав и свобод человека. Кроме того, лица, обладающие достаточным доходом и социальным статусом, должны располагать ресурсами для организации и участия в политической жизни для защиты своих коллективных интересов.

Есть ли какие-либо данные, подтверждающие гипотезу о том, что экономическое развитие ведет к формированию среднего класса, который, в свою очередь, обладает социально-экономическим влиянием и организационным потенциалом для того, чтобы требовать от руководителей своей страны большей подотчетности?

Используя данные о доходах и расходах домохозяйств, собранные исследователями из Всемирного банка ², мы провели регрессионный анализ для выявления зависимости между уровнем демократизации (измеряемым, как и прежде, переменным показателем Polity2) и размерами среднего класса, определяемыми как процентная доля лиц с доходами от 10 до 50 долл. США в день. Поскольку данный показатель является переменной дохода и поэтому коррелируется с показателем ВВП на душу населения, последний в модели не используется. При этом используется тот же метод регрессии, что и в таблице 2.2.

Как видно из таблицы 2.1.1, как в странах с переходной экономикой, так и в других государствах размеры среднего класса очень сильно коррелируют с уровнем демократии, взятым с определенным лагом. Однако в странах региона с переходной экономикой роль среднего класса становится незначительной, если учитывать уровень неравенства, тогда как в остальных странах мира при учете уровня неравенства его роль еще больше возрастает.

ГЛАВА 2

Рынки и демократия в регионе с переходной экономикой

+ Таблица 2.1.1

Роль среднего класса в условиях демократии, 1989–2012 годы

Зависимая переменная: Polity				
	Страны за пределами региона с переходной экономикой		Страны региона с переходной экономикой	
	(1)	(2)	(3)	(4)
Значение Polity в t-5	0,753***	0,716***	0,776***	0,760***
Размеры среднего класса в t-5	2,064**	3,019***	2,000**	1,644
Природная рента в t-5	-0,019	-0,017	-0,046***	-0,051***
Неравенство в t-5		0,025		-0,014
Наблюдения	243	231	57	56
Страны	92	90	27	27
Хи-квадрат Вальда	835,16	650,41	392,53	380,11
Зависимая переменная: Polity				
Вероятность превышает распределение хи-квадрат	0,000	0,000	0,000	0,000

Источник: Loayza et al. (2012) для величины среднего класса; для остальных переменных те же источники, что и в таблице 2.2.

Примечание. Подробную информацию о методике см. в примечаниях к таблице 2.2.

1. См. Lipset (1959), Moore (1966), Huber et al. (1993), Barro (1999), Birdsall et al. (2000), Easterly (2001) и Loayza et al. (2012).
2. См. Loayza et al. (2012).

ГЛАВА 2

Рынки и демократия в регионе с переходной экономикой

Приложение 2.1. Регрессионный анализ предпочтений демократии

Таблица А.2.1.1

Поддержка демократии при различных режимах

1

	Сформировавшиеся демократии	Менее демократические режимы
Зависимая переменная: поддержка демократии		
Базовая категория: снижение места домохозяйства на шкале доходов за период 2006–2010 годов		
Повышение места домохозяйства на шкале доходов за период 2006–2010 годов	1,319**	1,137
	(0,01)	(0,64)
Место домохозяйства на шкале доходов не изменилось	1,142*	1,07
	(0,1)	(0,42)
Базовая категория: работник частного сектора		
Работник государственного предприятия	0,555	0,667**
	(0,13)	(0,03)
Работник государственной службы	0,847	0,734
	(0,88)	(0,17)
Базовая категория: отсутствие диплома/отсутствие образования		
Начальное образование	0,895	
	(0,84)	
Неполное среднее образование	0,892	0,283
	(0,83)	(0,25)
Полное среднее образование	1,27	0,252
	(0,65)	(0,2)
Незаконченное высшее образование	1,365	0,208*
	(0,54)	(0,07)
Диплом бакалавра	1,695	0,229
	(0,33)	(0,19)
Диплом магистра или степень доктора философии	2,354	0,372
	(0,11)	(0,42)
Работник государственного предприятия, имеющий		
Начальное образование	1,799	
	(0,2)	
Неполное среднее образование	2,574**	1,016
	(0,03)	(0,98)
Полное среднее образование	2,046	1,972***
	(0,1)	(0,01)
Незаконченное высшее образование	1,389	1,525
	(0,45)	(0,37)
Диплом бакалавра	2,294**	1,579
	(0,02)	(0,3)
Диплом магистра или степень доктора философии	1	1

ГЛАВА 2

Рынки и демократия в регионе с переходной экономикой

Неполное среднее образование	1,36	1,441
	(0,78)	(0,52)
Полное среднее образование	1,382	1,856
	(0,76)	(0,14)
Незаконченное высшее образование	1,453	1,282
	(0,73)	(0,52)
Диплом бакалавра	1,39	2,563**
	(0,77)	(0,02)
Диплом магистра или степень доктора философии	0,997	
	(1)	
Базовая категория: возраст 18–24 года		
Возраст: 25–34 года	0,96	0,861
	(0,72)	(0,41)
Возраст: 35–44 года	0,904	0,807
	(0,44)	(0,11)
Возраст: 45–54 года	0,954	0,843
	(0,7)	(0,15)
Возраст: 55–64 года	0,958	0,624*
	(0,71)	(0,06)
Возраст: 65 лет и старше	1,365*	0,313**
	(0,1)	(0,04)
Мужчина	1,164**	1,271**
	(0,02)	(0,05)
Базовый показатель	0,67	3,956
	(0,46)	(0,23)
<i>N</i>	7571	2698

Источник: LITS (2010).

Примечание. В таблице приводится результат логит-регрессии, в которой за базовую категорию взята женщина в возрасте от 18 до 24 лет, работающая в частном секторе и не имеющая образования. Коэффициент потенцируется и рассматривается как отношение рисков. Если отношение рисков превышает 1, то это означает, что данная переменная или группа лучше относится к демократии, чем базовая категория, а коэффициент, составляющий менее 1, означает, что поддержка демократии ниже, чем в базовой категории. В скобках приводятся значения вероятности: * означает, что статистически значимый уровень составляет 10%; ** – что статистически значимый уровень составляет 5%; и *** – что статистически значимый уровень составляет 1%.

1. Для целей настоящего анализа под «сформировавшимися демократиями» понимаются страны, у которых индекс Polity2 в 2012 году составлял 5 или более, а под «менее демократическими режимами» – страны, у которых этот показатель составлял менее 5.

ГЛАВА 2

Рынки и демократия в регионе с переходной экономикой

Библиография

D. Acemoğlu and J. Robinson (2006)

"Economic backwardness in political perspective",
American Political Science Review, Vol. 100, pp. 115-131.

D. Acemoğlu, S. Johnson, J. Robinson and P. Yared (2009)

"Reevaluating the modernization hypothesis",
Journal of Monetary Economics, Vol. 56, pp. 1,043-1,058.

G. Almond and S. Verba (1965)

The Civic Culture, Boston, Little, Brown and Co.

A. Atkinson, T. Piketty and E. Saez (2009)

"Top Incomes in the Long Run of History",
NBER Working Paper No. 15408.

R. Barro (1999)

"Determinants of democracy", *Journal of Political Economy*,
Vol. 107, No. 6, pp. 158-183.

H. Beblawi and F. Luciani (eds.) (1987)

The Rentier State: Nation, State and the Integration of the Arab World,
London, Croom Helm.

E. Bellin (2004)

"The robustness of authoritarianism in the Middle East: exceptionalism in
comparative perspective", *Comparative Politics*, Vol. 36, No. 2, pp. 139-157.

N. Birdsall, C. Graham and S. Pettinato (2000)

"Stuck in the tunnel: is globalization muddling the middle class?",
Center on Social and Economic Dynamics Working Paper No. 14.

C. Boix (2003)

Democracy and Redistribution, Cambridge, Cambridge University Press.

C. Boix (2011)

"Democracy, development and the international system",
American Political Science Review, Vol. 105, No. 4, pp. 809-828.

C. Boix, M. Miller and S. Rosato (2012)

"A complete data set of political regimes, 1800-2007",
Comparative Political Studies, November.

C. Boix and S. Stokes (2003)

"Endogenous democratization",
World Politics, Vol. 55, pp. 517-549.

A. Brown (2001)

"From democratization to 'guided democracy'",
Journal of Democracy, Vol. 12, No. 4, pp. 35-41.

R. Dahl (1971)

Polyarchy: Participation and Opposition,
New Haven, Yale University Press.

J. Davies and A. Shorrocks (2000)

"The distribution of wealth", in A. Atkinson and F. Bourguignon (eds.),
Handbook of Income Distribution, Vol. I, pp. 605-676, Amsterdam, Elsevier.

L. Diamond (2010)

"Why Are There No Arab Democracies?",
Journal of Democracy, Vol. 21, No. 1, pp. 93-104.

W. Easterly (2001)

"The middle class consensus and economic development",
Journal of Economic Growth, Vol. 6, No. 4, pp. 317-335.

ЕБРР (1999)

"Доклад о процессе перехода за 1999 год:
Десять лет преобразований", главы 5 и 6, Лондон.

ЕБРР (2003)

"Доклад о процессе перехода за 2003 год:
Интеграция и региональное сотрудничество", глава 2, Лондон.

ЕБРР (2007)

"Доклад о процессе перехода за 2007 год:
Люди на этапе перехода", врезка 3.1, Лондон.

ЕБРР (2009)

"Доклад о процессе перехода за 2009 год:
Процесс перехода в кризисе?", Лондон.

ЕБРР (2011a)

"Жизнь в переходный период:
Обследование опыта и отношений людей", Лондон.

ЕБРР (2011b)

"Доклад о переходном процессе за 2011 год:
Кризис и переходный процесс глазами людей", глава 3, Лондон.

D. Epstein, R. Bates, J. Goldstone, I. Kristensen and S. O'Halloran (2006)

"Democratic Transitions",
American Journal of Political Science, Vol. 50, No. 3, pp. 551-569.

T. Frye (2003)

"Markets, Democracy, and the New Private Business in Russia",
Post-Soviet Affairs, Vol. 19, pp. 24-45.

T. Frye, O.J. Reuter and D Szakonyi (2013)

"Political Machines at Work: Voter Mobilization and Electoral Subversion in the
Workplace", неопубликованная рукопись.

F. Fukuyama (1989)

"The end of history?", *The National Interest*, summer.

F. Fukuyama (1992)

The End of History and the Last Man, Free Press, New York.

B. Geddes (2007)

"What Causes Democratization?", in C. Boix and S. Stokes (eds.),
Oxford Handbook of Comparative Politics, London, Oxford University Press.

E. Glaeser, R. La Porta, F. López-de-Silanes and A. Shleifer (2004)

"Do institutions cause growth?", *Journal of Economic Growth*,
Vol. 9, No. 3, pp. 271-303.

K. Gleditsch (2002)

"Expanded trade and GDP data", *Journal of Conflict Resolution*,
Vol. 46, pp. 712-724.

B. Heid, J. Langer and M. Larch (2012)

"Income and democracy: evidence from system GMM estimates",
Economics Letters, Vol. 116, No. 2, pp. 166-169.

J. Hellman (1998)

"Winners take all: the politics of partial reform in postcommunist transitions",
World Politics, Vol. 50, pp. 203-234.

E. Huber, D. Rueschemeyer and J. Stephens (1993)

"The impact of economic development on democracy",
Journal of Economic Perspectives, Vol. 7, pp. 71-85.

S. Huntington (1991)

The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century,
Norman, University of Oklahoma Press.

ГЛАВА 2

Рынки и демократия в регионе с переходной экономикой

S. Huntington (1993)

"The clash of civilizations?", *Foreign Affairs*, Vol. 72, No. 3, pp. 22-49.

J. Jackson, J. Klich, and K. Poznańska (2013)

"Democratic Institutions and Economic Reform: The Polish Case", неопубликованная рукопись.

S. Kuznets (1955)

"Economic growth and income inequality", *The American Economic Review*, Vol. 45, No. 1.

S. Lipset (1959)

"Some social requisites of democracy", *American Political Science Review*, Vol. 53, pp. 69-105.

N. Loayza, J. Rigolini and G. Llorente (2012)

"Do middle classes bring institutional reforms?", Policy Research Working Paper No. 6015, World Bank.

A. Maddison (2008)

Statistics on World Population, GDP and Per Capita GDP, 1-2006 AD.
Имеется по адресу: www.ggdc.net/maddison.

H. Mahdavy (1970)

"The patterns and problems of economic development in rentier states: the case of Iran", in M. Cook (ed.), *Studies in the Economic History of the Middle East*, London, Oxford University Press.

M. Miller (2012)

"Democratic pieces: autocratic elections and hybrid regimes since 1815", рукопись.

B. Moore (1966)

Social Origins of Dictatorship and Democracy, Boston, Beacon Press.

C. Morrisson (2000)

"Historical perspectives on income distribution: The case of Europe", in A. Atkinson and F. Bourguignon (eds.), *Handbook of Income Distribution*, Amsterdam, Elsevier.

A. Przeworski (1991)

Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America, Cambridge University Press, New York.

A. Przeworski, J. Cheibub, M. Alvarez and F. Limongi (2000)

Democracy and Development: Political Institutions and Material Well-Being in the World, 1950-1990, Cambridge, Cambridge University Press.

A. Przeworski and F. Limongi (1997)

"Modernization: theories and facts", *World Politics*, Vol. 49, No. 2, pp. 155-183.

K. Sonin (2003)

"Provincial Protectionism", CEPR Discussion Paper No. 3973.

A. Tornell and P. Lane (1999)

"Are windfalls a curse? A non-representative agent model of the current account and fiscal policy", NBER Working Paper No. 4839.

D. Treisman (2012)

"Income, democracy, and the cunning of reason", NBER Working Paper No. 17132.

B. Weingast (1997)

"The political foundations of democracy and the rule of law", *American Political Science Review*, Vol. 91, No. 2, pp. 245-263.

C. Welzel and R. Inglehart (2006)

"Emancipative values and democracy: response to Hadenius and Teorell", *Studies in Comparative International Development*, Vol. 41, No. 3, pp. 74-94.

N. Zubarevich (2012)

"Four Russias: rethinking the post-Soviet map", Open Democracy Russia, 29 March. Имеется по адресу: www.opendemocracy.net.